

С.Г. Петров

**Отец русского рационального
пчеловодства Александр
Михайлович Бутлеров**

(Биография)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С11

С11 **С.Г. Петров**
Отец русского рационального пчеловодства Александр Михайлович Бутлеров:
(Биография) / С.Г. Петров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 66 с.

ISBN 978-5-458-25027-6

Сельско-хозяйственная библиотека. Книга 10.

ISBN 978-5-458-25027-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СІР.

Глава I. Детство и юность А. М. Булéroва (поступление в университет, экспедиция 1846 г., дружба с Пятницким и Вагнером, профес. Клаус и Зинин, развлечения).	9
„ . Булéroв как химик (оставление при университете, магистр химии, доктор химии, экстра-ординарный профессор, 1-ая поездка за границу и ея результаты, лаборатория химии в Казанском университете, 2-я заграничная поездка, 3-ая заграничная поездка, ректорство в Казанском университете, перевод в Петроградскую академию, значение Булéroва в науке).	17
„ III. Булéroв в деревне (Булéroвка, занятия в деревне, характер А. М., знакомство с пчелами, гнилец, влияние на А. М. немецких пчеловодов).	29
IV. Литературная деятельность Булéroва по пчеловодству (доклад 25 ноября 1871 г. и его последствия. История период. литер., отдел пчеловодства в „Трудах И. В. Э. О.“, „Русский пчеловодный Лист“, неперіодическая литература).	40
„ V. Пчеловодная деятельность Булéroва (положение в И. В. Э. О., поездка на Кавказ, вторая поездка на Кавказ, Пражская выставка пчеловодства, пчеловодные школы, Всероссийская выставка 1882 года, организация отдела пчеловодства при И. Р. О. А. Ж и Р., вопрос о фальсификации воска).	50
„ VI. Кончина Булéroва и печаль пчеловодов	63

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Всякому пчеловоду, любящему свое дело интересно знать как и кем развивалось пчеловодство, т.-е. историю пчеловодства и биографии видных деятелей на ниве пчеловодства. К сожалению, в русской пчеловодной литературе мало уделяется внимания этим вопросам, особенно второму. Немного биографических данных встречается еще в периодической литературе, но эта литература за прежние годы доступна лишь немногим.

Мне пришла мысль заполнить хотя бы отчасти этот существенный пробел, написав несколько биографий видных пчеловодов по возможности с разбором их деятельности. Первой попыткой такого рода и является настоящая биография отца русского рационального пчеловодства Александра Михайловича Бутлерова.

Во всякой работе возможны ошибки и заблуждения. От них наверное не свободен и настоящий скромный труд, а потому за всякого рода указания и поправки приношу наперед искреннюю благодарность.

Письма прошу адресовать: гор. Кашира, Московской губ., ольшанная ул., д. 25, Сергею Гавриловичу Петрову.

Г. Кашира, Моск. губ.

О. Петров.

15 янв. 1924 год.

I.

Александр Михайлович Бутлеров родился 25 августа 1828 года в Чистополе, уездном городе Казанской губ. Матери лишился 11 дней. Как на причину ее смерти одни из современников указывают на испуг, а другие связывают смерть с не совсем удачно прошедшими родами.

Ал. Мих. был взят на воспитание дедушкой и бабушкой, по матери, Стрелковыми в деревню Шаптал, где находился до 8 лет.

С малых лет А. М. проявлял необыкновенную любознательность. Всякую интересную игрушку он старался разобрать или сломать, чтобы добраться до ее сути. Любимой его игрой была игра в к-тора, причем доктором он был сам, а наиболее частым рецептом от всех болезней была ложка варенья.

8 лет А. М. был отдан в пансион Топорнина, откуда уже перешел в 3-й или -й класс 1-ой Казанской гимназии, в которой и обучался до 1844 года. Учился он без репетиторов, а накануне экзаменов, по свидетельству Россоловского, занимался фейерверками, был очень спокоен, отлично выспался, и то время, как о товарищах все

почи напролет готовились к экзаменам,—и получал пятерки.

Интересно отметить, что несмотря на всю живость своего характера, А. М. никогда не танцевал и не брал в руки карт.

Б 1845 году А. М. поступает на первый курс естественного разряда физико-математического факультета Казанского университета. Естественный разряд им был выбран потому, что естественные науки привлекали его с детства, и эта страсть не оставляла его до смерти. 13 лет в письме к отцу он писал: „я желал бы встретить старость и смерть мпно, окруженный *сельскими занятиями*, оставив по себе память добра и пользы ближним". В университете он между оконных рам выкармливал заморских мышей, черепах, привезенных из Оренбургской губ., выводил бабочек, составлял коллекции бабочек и т. д. В 1890 г. в Казанском университете еще была цела богатая коллекция бабочек, собранная А. М.

Весной 1846 года из Казанского университета в Киргизские степи отправилась ученая экспедиция под начальством проф. минералогии и сравнительной анатомии П. И. Вагнера, приват доцента и лабфонта М. Я. Киттары и из нескольких студентов, в том числе и А. М. Бутлерова. Главной задачей экспедиции было собирание растений. Бутлеров был страстным охотником, из за этой цели он и поехал с экспедицией тем более, что ехал на свои средства и участия в собирании растений он проявлял весьма мало. А. М. был несколько

близорук и на кепедпци всегда носил очки, но очевидно они были для него слабы, т. к. вдаль он видел плохо. Дома он ходил на охоту с собакой, а в этой эскурсии с ним на охоту постоянно ходил человек, который заменял ему глаза, постоянно указывал ему животных или птиц. Сценку из такой охоты с человеком вместо собаки мы находили в книжке Н. П. Вагнера „Воспоминания об А. М. Бутлерове”.

— „Вон, вон, Александр Михайлович, вон за кусточком польни сидит. Эвона!

— Где? Где?.. с жаром охотника накидывается А. М.

— Вот! Вот!.. Глядите! Глядите!

— Где!? Где!? Где!?

— Вот! Вот! Вот!

Наконец, птица слетает и А. М. пускает ей в догонку пуделя”

В конце лета в Гурьеве Бутлеров тяжело заболел. Проф. Вагнер с трудом доставил больного в Симбирск, куда был вызван отец Бутлерова. Благодаря внимательному уходу А. М. одолел недуг, но его отец заразился от него тифом, не вынес и скончался в своей деревне. Таким образом, А. М. единственный сын своих родителей послужил причиной смерти их обоих. Сам А. М. хотя и поборол недуг, но вышел из этой борьбы неузнаваемым; бессознательность и упадок умственных сил породили слух, что он впал в детство. Болезнь помешала ему посещать лекции в 1 полугодие и он решил остаться на второй год на 1 курсе.

В университете Бутлеров сошелся с Дм. Пятницким и Н. П. Вагнером (будущим проф. Зоологии). Все трое были неразлучными друзьями, вместе занимались, вместе забавлялись, даже на лекциях сидели всегда рядом на одной скамье. „Бутлеров был довольно высокого роста и крепко сложенный сангвиник, блондин с голубыми, немного прищуренными глазами, довольно длинным, несколько красноватым носом, с выдававшимся подбородком и с постоянной приветливой улыбкой на румяных тонких губах“. Пятницкий был тоже атлетического сложения и еще выше его. Внешность же Вагнера составляла полнейший контраст с этими внушительными мужчинами. Вот как описывает свою внешность Вагнер: „это был портрет юноши, почти ребенка с довольно большими зелено-серыми глазами, с непокорными волосами, которые постоянно торчали вихрами то там, то здесь—и с большими выдававшимися, как бы оттопыренными губами“. По мнению Вагнера, Бутлерова, Пятницкого и его связывала между собой большая или меньшая одинаковость их характера и искренность друг с другом. Все трое легко увлекались всякой новинкой, хотя при этом Бутлеров был сдержаннее своих товарищей. „В складе его ума уже тогда проглядывала влечение к серьезным занятиям“. На первых двух курсах Бутлеров с Вагнером ревностно занимались собиранием насекомых. Все было ново—интересно и за материалом для своих коллекций они нередко отправлялись верст за 18 и даже за 30 от Казани для отыскания новых

еще им незнакомых форм. Результатом этих увлечений зоологией Бутлеров оставил в университете богатую коллекцию Волго-Уральских бабочек, а в 4 курсе напечатал в ученых записках Каз. университета статейку, об определении дневных бабочек. Занятия зоологией порождались интересом самого предмета—интересом, возбуждаемым живой природой—и никак не могли исходить от проф. зоологии, который, по свидетельству Вагнера, читал свои скучные лекции буквально по систематическому немецкому учебнику 1836 года.

Совсем другое было с химией. Здесь Бутлерова привлек не предмет, а профессора Клаус и Зинин. Для того, чтобы понять влияние этих профессоров на Бутлерова, необходимо хотя бы кратко описать их характеры и занятия со студентами.

Карл Карлович Клаус „был удивительный оригинал и добрейший симпатичнейший и честнейший человек“. Несмотря на свои лета (больше 50) он во всякое дело вносил юношеский пыл. Он был весьма предан химии и ему химия обязана открытием Рутения в остатках платиновых руд. Все свободное время он проводил в лаборатории, занимаясь исследованием платиновых руд, при этом, по свидетельству его учеников, он имел удивительную привычку все растворы металлов в кислотах пробовать на вкус, каким образом он не сжигал при этом своего языка, остается неизвестным. Он был горяч, вспыльчив и удивительно рассеян. Во всякое свое занятие он вносил страстность, и вот этой то страстью увлекал студентов, тем

более, что все работы в лаборатории происходили открыто среди студентов.

Для характеристики проф. Ник. Ник. Зинина я приведу выдержку из вышеупомянутой книги Вагнера: „Между молодежью это был старый веселый товарищ, и в его лабораторию постоянно стекалось студенчество слушать его рассказы и развиваться. Он обращался со студентами как товарищ, за панибрата. Он выберит, иногда даже приколотит виноватого, но никогда никому не откажет в посильной помощи и защите. Раз один из моих товарищей обиделся на его слишком нецеремонное обращение и надулся. Когда заметил это Зинин, то рассказал всем нам нечто из лабораторных занятий его у Либиха. „У нас был, говорил он, лаборант. Если ктонибудь из нас разобьет чтонибудь или сделает грубую ошибку, то он отвернется и несколько дней, иногда целую неделю не говорит с ним. Хотите я буду так обращаться с вами?.. Друг! вскричал он, обращаясь к обиженному. Да ты отколоти меня просто по шее и будем квиты... Только если сладишь!. Ведь я буду ба-рахтаться... Живой не дамся нет с!" и при этом он жмет и тискает руку когонибудь из стоящих ближе и тот невольно чувствует, что рука Ник. Ник. железная и сила его медвежья.

Зинин любил и уважал науку и эта любовь и уважение невольно передавались и его ученикам, которые хотели работать. Но, кроме науки, мы были обязаны ему знакомством с немецкой литературой. Он первый открыл нам в восторженных цитатах

14

и декламациях прелести Фауста Гёте и Разбойников Шиллера".

Понятно, что при таком ведении занятий и при знаниях, соединенных со страстью самих профессоров, студенты увлекались химией.

Под влиянием Зинина, обладавшего необыкновенной силой, и приезжего гимнаста силача Рапо Бутлеров и Пятницкий занялись развитием своих мышц. Сделали себе чугунные шары в пуд весом, жонглерские металлические мячики, палочки; Пятницкий даже в своей квартире устроил столбы, кольца и лестницы для гимнастики. Бутлеров из всех отличался „необыкновенной способностью к акробатическим кунтеитюкам и обладал довольно большой ловкостью в руках, хотя вообще был тяжел, неуклюж и неловок." Приходя к товарищам в гости и не заставляя их дома, Бутлеров оставлял обыкновенно вместо визитной карточки свой инициал, букву Б, согнутый тут же из железной кочерги. „Пятницкий мог поднимать 10 пудов на одном мизинце правой руки. Верх его искусства было поднятие с полу двух дюжин легких плетеных стульев одной правой рукой" (Вагнер).

Любимым развлечением Бутлерова и компании были прогулки по Казани в темные вечера. При этом Вагнер залезал на плечи Пятницкого и накрывался его шинелью. Жители, встречаясь с таким великаном, в испуге сворачивали с дороги, крестились и долго глядели в след удалявшейся колоссальной фигуре. Бутлеров и товарищи наблюдали результаты своей выдумки, идя поодаль.

Невольно хочется привести выдержку опять из Вагнера: „Детская резвость, увлечение шалостями, остроумными шутками—вот черты, которые сопровождали и • отличали нашу студенческую юность. В душе было светло и ясно и ничего, кроме смешного или радостного, не представлялось нам в жизни. Горе и беда скользили по нашим сердцам и не могли возмутить их тихий мир. В особенности это детски шаловливое время нападало на нас весной, перед нашей летней разлукой”.

Так незаметно и весело промелькнули студенческие годы Александра Михайловича Бутлерова. В 1849 году университет окончен и представляется самостоятельная жизнь или практического, или научного характера. У кого какие наклонности и способности тот туда и идет. Бутлеров выбрал научную карьеру и в своем выборе не ошибся, как увидим далее, он успел за свою не особенно продолжительную жизнь (умер всего 58 лет совершенно еще бодрый и жизнерадостный) сделать весьма и весьма много как в научной стороне, так, впоследствии, и в практической.